

точно также». Вот так мне сын, Алеша, подарил открытие. А через некоторое время и Андрей Попов сказал замечательно: «Чем заданнее артист, тем он посредственнее».

— Людмила Ивановна, в вашем репертуаре был «Ревизор». Вы играли Марью Антоновну.

— Сколько актерских удач состоялось в этом спектакле! Добржанская, Хохлов, Сазонова, Константинов, Ан. Попов — все, все, все! Таланты! Добржанская — Анна Андреевна — меня больно щипала. У меня даже синяки оставались. Подсознательно боясь этой боли, я старалась ластиться к отцу. Получилась дочь своего отца. Любовь Ивановна была великая. Она умела, например, монолог на полторы страницы произнести без единой точки. Я шестнадцать раз слушала, как она это делает, у нее училась. Какую перспективу роли видела она! У меня текста гораздо меньше, а я шесть точек сумела поставить. Ее мастерство приводило меня в совершеннейший восторг. Надо уметь учиться — это я всегда своим студентам говорила. Три курса мы выпустили с Колосовым. И я еще раз убедилась: это аксиома — научить нельзя никого. Кто захочет — может научиться, если выберет у кого и чему. Мы у мастеров учились все время. У нас были шефы. Мы просили, чтобы они смотрели наши спектакли, анализировали. Нынешнее поколение не интересуется наше мнение. Они нас ни о чем не спрашивают. Петр Александрович Константинов, Андрей Петров, Корнев, Анд-

став. Ну, не обижайся, она очень остро играет. У тебя мягче получится — ну, ты другая». Он чуть не плакал. «Успокойся! Сядем». Сели мы есть, пить. Володин опрокидывает бокал красного вина на штаны. Стираем, вешаем сушить. И он до пяти утра у нас сидит и уговаривает меня сыграть роль. Я поддалась. Спектакль шел долго. Или «Барабанщица». Люся Фетисова была ярко характерная. Ее интересовала «овчарская» линия: как ее героиня работает на немцев. А меня волновала комсомольская линия. Интернационал! играют — стою и плачу. Помню, шел спектакль в день, когда погиб космонавт Комаров. Все плачут на улице. Я прихожу в театр, начинаю играть, беру свой баян — и понимаю, что не могу. В тот день эту сцену провела совершенно по-другому. И зрителей очень быстро взяла — они почувствовали, что мне тоже больно.

— Вы говорили о том, как вам везло с партнерами. Наверное, один из самых дорогих партнеров был Андрей Алексеевич Попов?

— У меня случилось большое горе. Андрей Попов пришел к нам, спрашивает у Сергея: «Как Люся?» — «Плачет». Он вошел без стука. Я босая, в халатике. «Ну, сядь ко мне на коленку. У тебя уже лицо вспухло. Давай умоемся холодненькой водичкой», — утешал меня как маленького ребенка. Как он старался меня вывести из отчаяния в этот день, чтобы я отыграла спектакль. Мне надо выйти на сцену, чтобы сказать: «Здравствуйте!» — и подать ему руку. В ответ он должен подать мне руку. Вот так, мягко. Вдруг: «Дз-з-з-з-з...» Муха. Я ничего не понимаю. Отпускает руку и видит, как муха улетает: «Дз-з-з-з-з...» Он придумал муху, чтобы меня отвлечь.

Когда его хоронили, был полный зал народу. Я не помню, что говорила, — сознание потеряла, Сережа меня тащил. Не могла представить, что осталась без Андрея. «Я» — как все-таки эгоистично...

— Есть какая-то роль, которую вы мечтали сыграть и не сыграли?

— Джульетта. Но я увидела один из последних спектаклей Улановой и была потрясена. Спектакль Большого театра открыл мне музыку Прокофьева, к которому до тех пор была равнодушна. Я видела пять Джульетт, но ни одна не приблизилась к тому, как играла Уланова. После я сказала себе: не имею права даже приближаться к этой роли. Она не играла, не танцевала... Уланова импровизировала. Ромео был не важен. Я видела только ее, юную Джульетту, ощутившую вдруг в свои четырнадцать лет грудочки...

— Вы лично были знакомы с Галиной Улановой?

— Да. Когда был ее вечер в Большом театре, она просила меня вести его, но я, к сожалению, была нездорова. После этого мы несколько раз разговаривали по телефону. Как-то Галина Сергеевна мне звонит в апреле: «Я одна. Все комнаты закрыты. Сажу в валенках. Приходите». — «Можно завтра?» — «Можно. После обеда». В этот день она скончалась.

— А кто еще был для вас кумиром?

— Я умирала, например, по Добронравову. Один раз

«Ваша сестра и пленница»
Елизавета Тюдор

посмотрев его в «Дяде Ване», я никого другого, кроме него, наверное, целый месяц не видела. Я так его жалеяла, так участвовала в его судьбе, так хотела ему другой, лучшей жизни...

— Как люди реагируют, когда вас узнают на улице?

— Когда узнают, иногда бурно.

— А что, случается, не узнают?

— Ну, они же не могут представить себе, что Касаткина едет в метро с ними вместе. Вот мы ехали с внучкой, я стала задыхаться. «Давай постоим...» Выходим, и она говорит мне: «Все, Людочка, в последний раз ты ехала на метро, я буду от своих завтраков каждый день откладывать тебе на машину». Однажды пошел ливень, машины нет, я влетаю в трамвай. И ко мне кидается женщина: «Господи, до чего же мы дожили, Касаткина, любимая артистка, в трамвае ездит!» Я говорю: «Не расстраивайтесь так. У меня есть машина. Просто она на ремонте». Иногда трудно идти по улице. Каждая третья женщина обращается: «Как вы прекрасно выглядите! Дай вам Бог здоровья...»

— Людмила Ивановна, поразительно, как вы интенсивно живете, принимаете участие в судьбах людей, откликаетесь на просьбы, помогаете!

— Я засыпаю и говорю себе: те люди, которые тебе дороги, не забывая их, встречайся с ними, не бросай этих людей. Так Господь диктует. Неискренние, нехорошие люди — не нужны. Любовь к искусству объединяет и буддет объединять. Мы связаны с ним, мы жизнь ему отдаем, мы хотим служить ему, и, в общем, оно чем-то нам отвечает. Не расставайся с близкими людьми, даже если нет сил, нет времени. Было у меня два друга Юрочки. Юрочка Гагарин и Юрочка Никулин. Один из-под Можайска, другой из-под Вязьмы. Оба кричали: «Моя землячка!» Я ведь из-под Вязьмы. А встречались мы с ними так. Гагарин приезжал, у него не было времени по пути заскочить в телефон-автомат, чтобы позвонить и узнать, дома я или нет. И поэтому: дзи-и-и-и... Никого нет. Он кидал цветы и конфеты около закрытых дверей и убегал. Потом звонил: не свистнули? Никулин знал, что я с детства не люблю черную икру. Мы с братом ею как-то отравились. Селедка с картошкой — и все в порядке. Юра Никулин звонил и говорил: «Люсь, Таня купила селедку. Иваси называется. Почистили, порезали, в баночку сложили, лучком присыпали, маслом помазали. Ставь варить картошку. Едем!»

Вопросы задавали:

Ольга Галахова, Павел Тихомиров,
Дмитрий Кошмин, Михаил Яруш.
Рашифровка Александры Лавровой
Фото из архива актрисы

«Ревизор» Марья Антоновна
Хлестаков — Андрей Попов

рей Попов — их оценка была для меня очень важна. Я только не решалась мнения у Любови Ивановны спрашивать — боялась.

После «Укротительницы тигров» в театре зрители ждали только меня. Мне было неловко, больно, ведь какие артисты рядом со мной играли!

— А кто из ваших студентов сейчас работает в театрах?

— Женя Добровольская во МХАТе. Ира Бякова, Валентин Клементьев, Алиса Богарт, Ролан Радов, Жанна Балашова, для которой я квартиру выхлопотала.

— Это она дочку играла в «Мамаше Кураж»?

— Она.

— Как вы относились к своим вводам? Чем они отличаются от премьер?

— Вот, допустим, «Фабричная девочка». 1958 год. Фурцева запрещает спектакль. После этого к нам домой приезжает Саша Володин. «Люся! Я тебя умоляю, сыграй, тебя назначили во второй со-

С мужем и режиссером Сергеем Колосовым

Елена Королева
Народная артистка России
«Вызываем огонь на себя»

У нас на съемочной площадке бывали сложные отношения. Людмила Ивановна помимо таланта восхитала работоспособностью. Иногда она даже руководила съемками. Близких дружеских отношений у нас тогда не было. Я потом поняла, что она и Сергей Николаевич Колосов ко мне хорошо относились. Знаете, у меня ведь характер не сахар. У Людмилы Ивановны тоже характер. В молодости я, правда, о себе думала иначе. Однако, когда мне по секрету сообщили, что на обратной стороне моей фотографии в картотеке киностудии им. Горького была написана предупредительная для режиссеров фраза: «Очень плохой характер», то пришлось отнестись к себе с большей осторожностью. Касаткина строптивая — я тоже, она мгновенно выдает реакцию — я тоже, вообще у нас схожий строй души, что, вероятно, не сближало, а усложняло наше общение.

Однажды случилась стычка, ссора из-за актрисы Изольды Извицкой. Мне показалось, что к ней проявлялась несправедливость со стороны режиссера и ведущей актрисы. Я встала на ее защиту, хотя никто Изольду особенно не обижал. Сергей Николаевич вообще — человек спокойный, что не мешает ему быть ироничным, уметь привести в чувства на площадке.

Помню, и до сих пор с благодарностью к Людмиле Ивановне вспоминаю один эпизод на съемках. Она танцевала цыганочку, а я по фильму — ее подруга — стояла в массовке, восхищенно смотрела на нее, хлопала в ладоши, поддерживала. Касаткина, заметив это, бросилась к Колосову: «Сними крупный план Лены! Сними Лену». Сергей Николаевич отказывался: «План не войдет». И план мой, действительно, не вошел, но воспоминание об актерской солидарности греет душу.

Случались смешные истории. Помню, как мы с поляками выкрали все бутерброды, которые заготовила Людмила Ивановна на ночную съемку. Бутерброды были вкусные, и мы их мгновенно уничтожили. Ночные съемки являлись изнурительной необходимостью группы, поскольку вечерами я была занята в репертуаре театра.

Вспоминаю эту атмосферу с ностальгией. В съемках участвовали поляки, они вносили какую-то легкую романтику в отношения. К ним приезжали красавицы-жены. Когда они увидели Изольду, то восхищенно бросились к ней и кричали: «Сорок первый! Сорок первый!»

После фильма мы общались мало, а потом встретились как родные. Недавно смотрела какую-то передачу об интервьюере. Людмила Ивановна так замечательно, совершенно неожиданно делилась своими размышлениями, что заставила меня с вниманием и интересом ее слушать.

Недавно была на творческом вечере Людмилы Ивановны, который прошел прекрасно. Она страшно волновалась, мне показалось странным такое волнение такой известной и признанной актрисы, хотя понимаю, что я бы, наверное, волновалась точно также. Что еще сказать о ней? Она — бесспорная индивидуальность.

Геннадий Крынкин

Народный артист России
Актер ЦАТРА

Остро помню свое впечатление от киноработ Людмилы Ивановны «Медовый месяц», «Укротительница тигров». Тогда я не был еще артистом. Потом так случилось, что меня пригласили в театр Армии, где уже работала Касаткина. Мог ли я тогда предположить, что буду играть на одной сцене с актрисой, которой восхищался, как и миллионы зрителей.

Людмила Ивановна очень интересная актриса. Мне повезло. В нескольких спектаклях я играл с Людмилой Ивановной: в «Транзите», в «Дяде Ване» (я играл Астрова, она Елену Андреевну), в «Оптимистической трагедии» (я играл Вожака, она — Комиссара), в «Без вины виноватые» (я — Мурова, она Кручинину).

Имя Касаткиной — в плеяде замечательных актрис. Я не говорю об ее значительном вкладе в кино, хотелось бы сказать о ней как актрисе театра, поскольку работал с ней.

Людмила Ивановна — настоящая актриса нутра и, вместе с тем, подлинного перевоплощения, громадного юмора, по-настоящему хорошей школы. Она — человек с таким стержнем! Касаткина — мастер, за что я как партнер ей благодарен.

По-человечески, в жизни Людмила Ивановна отзывчива, умеет помочь в трудную минуту. Не хочу конкретизировать. Конечно, она — непростой человек, как, впрочем, любой талантливый человек.